

Осторожно, 18+!

Была ночь; Му Луйлинь ворочалась во сне. Чувство унижения было подобно ядовитому насекомому в ее костях, копошащемуся и грызущему, и боль была невыносимой. Вспомнив полные отвращения глаза Чжань Чэньяна, когда она выходила из цветочного зала, она подсознательно разрыдалась. В трансе она почувствовала слабый запах сладкого и нежного аромата и уже собиралась встать с постели с колотящимся сердцем, но почувствовала слабость, как будто у нее размякли мышцы.

“Идите сюда! Кто-нибудь, подойдите!”. Она попыталась громко закричать, но когда открыла рот, то смогла издать только низкий, непристойный стон.

Несколько темных теней ворвались в комнату из приоткрытого окна, сорвали с нее одежду и нижнее белье, раздвинули ей ноги и изнасиловали ее один за другим. Чтобы им было веселее, они подняли ее и зажали посередине. Они работали вместе и входили в нее спереди и сзади, пока две ее дырочки не стали кровоточить. Затем они остановились от восторга и засмеялись, а один сказал, когда они уходили: “А ты хороша на вкус. Более энергична, чем цветочные головки в Циньхуай-Фане. Сначала отдохни. Завтра мы изменим схему”.

Охранники и смертники, что охраняли это место, были убиты в предыдущем конфликте. Проблема охраны могла быть передана только солдатам, посланным Юань Куньпэном. Но эти люди уже пришли на место и вообще отказались вносить свой вклад. Они ясно видели несколько фигур, вышедших из комнаты Му Луйлинь, но у них не было намерения преследовать их. Они прикинулись, что ничего не заметили.

В комнате было очень тихо, и все предыдущие вздохи, рычание и ругательства исчезли, оставив только едкую вонь.

Му Луйлинь думала, что она будет самой беспомощной только во дворце генерала, но только сейчас стало ясно, что, как только что-то начнется, это никогда не прекратится.

Ее репутация, должно быть, была дурной, помеченной как "каждый мужчина может поймать", и она нажила много врагов. Так что, если она потеряет защиту Юань Куньпэна, ее судьба будет во много раз более несчастной, чем сегодня.

Она сожалела до тех пор, пока ее сердце не разбилось. Только тогда она поняла, что добро и зло в конце концов будут вознаграждены. Но кто мог спасти ее из этой трясины? Стремление Чжань Чэньяна к власти было сильнее всего остального. Чтобы расположить к себе Юань Куньпэна, он, не колеблясь, отправил бы ее к генералу. С тех пор она действительно стала шлюхой, проституткой, рано или поздно превращенной в пепел.

Кто спасет меня? Боже, пожалуйста, пошли кого-нибудь, чтобы спасти меня!

Когда эффект постепенно испарился, она закрыла лицо руками и горько заплакала, зная, что это невозможно, но спрашивала себя, как под заклинанием: Если бы Юй Цанхай не узнал правду, он наверняка бы пришел, чтобы спасти меня. Он самый сильный мастер боевых искусств всех времен. Нет такого места в мире, куда бы он не мог пойти, и никого, кого он не смог бы убить. С ним никто не посмеет унижить меня или растоптать, включая хозяина южной границы и будущего императора! Где ты, Юй Цанхай? Я сожалею об этом. Ты слышишь меня?

Тем не менее, она никогда не могла предположить, что ее сегодняшняя судьба была результатом усилий Чжоу Юньшэна.

Гневная месть Юань Куньпэна, публикация карты сокровищ и Уцзи Синьцзин, противостояние между всеми и разоблачение их злодеяний. Судьба, с которой столкнется Му Луйлинь и другие, полностью укладывалась в его расчеты.

Если женщина хочет закрепиться в трудные времена, ей нужно быть сильной, сдержанной или зависеть от сильного. Му Луйлинь сама по себе не была сильной, и она не вела себя сдержанно. Хуже всего было то, что она неоднократно замышляла что-то против сильных людей, которые хотели ее приютить.

Она всегда была "слишком умна", результатом чего часто был только один, а именно "Обратный расчет жизни Цинцин" (это сказка, в которой говорится, что человек так много думает, что медленно приближается к смерти). Так что Чжоу Юньшэну не было необходимости делать это самому. Сколько грехов она совершила раньше и сколько долгов собирается заплатить сейчас. Что касается Чжань Чэньяна и Му Цзиньсуна, то их смерть не за горами.

В пещере Дхармы храма Шаолинь Цзы Сюань находился в уединенной медитации в течение сорока девяти дней. Демоны сердца были заперты в глубинах его сознания, и было трудно найти какие-либо бури.

Он постучал по тэмпл-блоку и запел свои сутры.

Симпатичный маленький монах с нефритовой и белой, как снег, внешностью вошел с коробкой для еды и поставил на землю миску белого риса и тарелку с вареными овощами.

"Шишу, пора есть", - прошептал он напоминание, ожидая, пока Цзы Сюань возьмет свою миску с рисом, как бы случайно, сказав: "Ты знал Шишу? Оказалось, что все обидели Юй Цанхая. Массовое убийство семи семей было совершено Чжан Чэньяном, владельцем деревни Биюнь. Он был обвинен за чужие проступки. К сожалению, дети Святой Секты не выжили. Мир действительно опасен". Он нахмурился, как будто был очень напуган.

Цзы Сюань ел молча, как будто безразлично, но его глаза на мгновение потускнели.

Маленький монах ждал и ждал. Видя, что он так и не ответил, ему пришлось убрать посуду и трижды обернуться, уходя. Когда он подошел ко входу в пещеру, то непонимающе уставился на него.

Маленький монах отнес коробку с едой обратно на кухню и всю дорогу бормотал слова с очень сердитым выражением лица.

Он не мог понять, почему мастер Секты хотел стать монахом и держаться рядом с отчужденным, хладнокровным и безжалостным монахом. Хотя мастер Секты приедет за ним через пять лет, эти дни, когда он не может есть мясо, были действительно слишком тяжелыми.

Он убрал коробки с едой и посуду и никого вокруг не увидел. Он на цыпочках прокрался мимо маленького мешочка с солью и банки с соусом чили на плите и тайком побежал обратно на холм. Он хотел приготовить несколько птиц, чтобы утолить аппетит, но как только он покинул передний двор, он увидел группу людей, одетых в боевую одежду, которые стояли лицом к лицу с серьезными и унылыми выражениями.

Маленький монах быстро спрятался за деревом бодхи и выглянул из-за половины своей лысой головы. Из-за его молодости и отсутствия боевых искусств эти люди поняли, что его подглядывание не было подозрительным, только любопытным, как у ребенка.

Маленький монах получил совет мастера Секты еще до того, как пришел. Как только новость о карте сокровищ и реликвии боевых искусств появится в мире, это, несомненно, вызовет слюнотечение у всех сторон, включая секты Улинь и имперскую власть. Конкуренция была очень жесткой.

Поскольку мастера боевых искусств были настолько выдающимися, что с ними трудно иметь дело, эти люди соберут как можно больше лучших мастеров, чтобы помочь им.

Говоря об обучении боевым искусствам, монах Цзы Сюань и настоятель Чжишэнь соответственно занимали места в верхней части в списке внешнего мира. Если бы их пригласили присоединиться, шансы были бы намного выше.

Поэтому в тот момент, когда он увидел этих людей, маленький монах догадался об их намерениях и подумал в своем сердце: я не знаю, как выберет настоятель храма Шаолинь, и действительно ли он присоединится к команде, преследующей его, как сказал мастер? Но разве монахи не должны быть лишены желаний и сострадания?

Хотя он пробыл в храме всего несколько месяцев, его братья в храме хорошо заботились о нем. Они не только учили его, как практиковать китайские иероглифы, но и часто говорили ему, чтобы он хранил свое сердце и был добр к другим. Ему действительно не хотелось думать об этих монахах плохо.

Мастер Секты явно нашел доказательства, чтобы снять клеймо Святой Секты. Почему люди всего мира, которые задолжали выжившим такой огромный кровавый долг, не признали себя виновными и не оплатили, а вместо этого повернулись, чтобы лишить их навыков и богатства?

Маленький монах был возмущен и озадачен. Он забыл об идее наполнить свое пузо и подкрался поближе к дворцу Дасюн.

За пределами зала находилось пять человек из внешнего мира, которые имели глубокое дыхание и обладали силой небесного царства. Они были мастерами, это видно с первого взгляда.

Некоторое время они стояли молча, чувствуя, что в храме Шаолинь не будет никакой опасности, и постепенно ослабили бдительность и начали разговаривать.

“Этот парень Юй Цанхай - настоящее несчастье. Он держал черный горшок (взял на себя вину другого человека) для Чжан Чэньяна, а теперь ему приходится нести еще один”.

“Ничего не поделаешь. Кто будет нести его, кроме него? Мы всегда ищем вескую причину для борьбы с ним, не так ли?”.

“Но причина, которая является слишком грубой, очевидно, сфабрикована. Почему бы ему просто не украсть сокровища семей и не перевезти их на чужую землю? Десятки больших сундуков будут легко перемещены им. Разве не все стражники деревни Биюнь мертвы? Я чуть не рассмеялся, когда они обвинили Юй Цанхая в преступлениях. Это было чертовски формально”.

“Когда мы имеем дело с выжившими членами секты, почему нам нужно находить правильные причины, чтобы убить их?”.

“Такие люди, как мы, естественно, не обращают внимания на происхождение, но остальные люди другие”. Самый старый мужчина указал на внутренний зал и усмехнулся: “Если вы

хотите пригласить мастера боевых искусств, такого как настоятель Чжишэнь, выйти без серьезной причины, они тоже не могут показать лицо. Мы можем убивать людей по своему желанию, но они не могут сделать то же самое. У них есть свое собственное лицо, и они не могут действовать своевольно”.

“В этом есть смысл!”. Остальные повторили эхом.

После короткого молчания другой мужчина с любопытством спросил: “Сделает ли настоятель Чжишэнь какой-нибудь шаг? Он не спрашивал о внешнем мире больше десяти лет”.

“Да, он должен. Говорят, что в сокровищнице выживших есть смешанная реликвия, которая давно утеряна в буддизме”. Старейшина указал на самую высокую пагоду в храме Шаолинь и сказал: “Пагода называется Смешанной пагодой Юань, которая существует с древних времен. Как следует из ее названия, она предназначена для размещения Смешанной Юань-Шариры. Тем не менее, Шарира была потеряна во время катастрофы и не была найдена более тысячи лет. Теперь, когда сокровище вышло наружу, даже если это всего лишь слухи, настоятель Чжишэнь не стал бы упускать его напрасно. Естественно, он должен исследовать истину”.

“Даже у выживших есть такие сокровища. Разве это не похоже на трехлетних младенцев, пересекающих рынок с золотыми кирпичиками в руках и приглашающих людей положить ножи? Быть уничтоженными - их судьба”. Люди смеялись и жестоко разговаривали.

Глаза маленького монаха были красными, а кулаки сжаты. Ему хотелось броситься и перегрызть этим людям глотки, но он должен был отчаянно сопротивляться этому порыву.

Примерно через четверть часа рядом с Чжишэнем вышел старик с сильной ци и громко сказал: “Большое спасибо мастеру за его большую помощь. В будущем мы обязательно вернем обе руки буддийского монаха Чжибао”.

“Амитабха, хорошо, хорошо”. Мудрец сложил руки вместе с выражением сострадания. “Искоренение Дьявольского мастера - это ответственность моего буддийского “я”. Юй Цанхай настолько порочен, а его убийств так много, что рано или поздно эта новость должна быть опубликована”.

Му Цзиньсун смеялся все громче и громче. Поблагодарив Чжишэня снова и снова, он самодовольно ушел.

Маленький монах быстро присел на корточки, вытащил горку грязи и потер ее, притворяясь, что играет.

Группа людей в спешке прошла мимо, даже не взглянув на него краем глаза. Они не проявили никакой настороженности по отношению к нему. Вместо этого брат-ученик покачал головой и сделал ему выговор, сказав, что он “непослушный”.

Маленький монах, держа в руках глину, убежал и забрался в свою комнату. Потом он лег на одеяло и тихо заплакал.

Мастер секты был прав. Эти люди заслуживали смерти. Даже монах не был хорошим человеком.

Во второй половине дня он, как обычно, отправился в пещеру Дхармы со коробкой для завтрака. Он дотронулся кончиками пальцев до края миски, обнаружил, что каша горячая, и быстро вытащил палец от боли. Не говоря ни слова, он швырнул ее в лоб Цзы Сюаня.

Цзы Сюань не дрогнул. После того, как он вытер кашу со лба, он посмотрел на человека, который ее приготовил. В его глазах не было ни гнева, ни сомнения, только спокойствие застоявшейся воды.

Когда маленький монах увидел, что тот даже не заинтересован в том, чтобы расспрашивать его, и после одного взгляда начал повторять сутры, он был разгневан до потери сознания.

Люди во всем мире верят, что храм Шаолинь был редким местом для очищения, но теперь это казалось притворством.

Так называемый выдающийся монах ничем не лучше остальных. Он мог действовать против своей совести после того, как его соблазнит богатство. Он даже притворяется сострадательным и праведным, что еще хуже, чем эти настоящие злодеи!

“Знаете ли вы, что Мастер Секты смыл обиды моей Святой Секты и готов удалиться от мира?”. Он был готов покинуть храм Шаолинь, поэтому не стал скрывать свою личность словами. “Но поскольку он обладает древними навыками и спрятал карту сокровищ, эти люди в мире превратили черное в белое, чтобы завладеть сокровищами. Они сказали, что он подбросил украденные товары, чтобы подставить главу деревни Биюнь, и хотят взяться за руки, чтобы убить его. Ваш добрый настоятель прожил больше ста лет. Неужели он не может увидеть это насквозь? Но он не стал срывать с них маску, а вместо этого согласился на просьбу деревни Биюнь лично разобраться с мастером Секты. Посмотрите на лица ваших жителей Центральных равнин, лицемерных, жадных, порочных, даже среди монахов нет хороших людей! В то время как вы сами без разбора убиваете невинных людей, какими качествами вы обладаете, чтобы мастер Секты сложил свой мясницкий нож и стал Буддой?” .

Чем больше он говорил, тем больше волновался, указывая на нос Цзы Сюаня и ругая его: “Учитель боялся, что вы станете дьяволом в огне. Он приказал мне присматривать за вами, когда я войду в храм, но вы толкнули его на смерть. Десять лет, десять лет дерьма, секта уже нажила множество врагов в мире. Какая разница между тем, чтобы заставить его поклясться никого не убивать, и позволить ему вытянуть шею, чтобы его убили? Вы сидите здесь, читаете сутры Будды и воспеваете Будду. Как вы думаете, сколько раз в день мастер должен проходить через попытки убийства? На этот раз вышли лучшие мастера Центральных равнин Улиня. Теперь шансы еще выше, и когда его внутренние силы иссякнут, рано или поздно он будет убит вами! Ба! Вы, черносердечный лицемерный монах, отправляйтесь на запад (умрите) со своей деревянной рыбой (тэмпл-блок) в руках”.

Маленький монах хотел плюнуть на него, но не осмелился. Он сильно топнул и побежал вниз по склону, поклявшись идти к Господу.

Цзы Сюань вытер с лица липкую кашу и продолжил стучать по деревянной рыбе. Его лица не было видно, но настроение начало меняться. Он знал, что Юй Цанхай очистил имя своей секты, но не ожидал, что все изменится так быстро.

Древние навыки и сокровища, эти две вещи действительно могут свести людей с ума. Он дал такую клятву, которая была равносильна отказу от всего оружия и доспехов, идя голым в море огня, не только быть порезанным со всех сторон, но и сгореть дотла.

Цзы Сюань колотил по деревянной рыбе, пытаясь отогнать различные красивые и злые выражения на лице этого человека, которые продолжали появляться в его сознании.

Брови другого были приподняты, его глаза сияли, как искрящийся луч и весенний прилив. Он нежно приоткрыл губы и напевал, а затем нежно поцеловал кончик языка. Каждое тонкое

выражение, каждая изящная линия были так четко запечатлены в глубине его сердца, что их нельзя было забыть, не говоря уже о том, чтобы стереть.

Однако у Цзы Сюаня не было времени подробно рассмотреть эти воспоминания, потому что лицо этого мужчины превратилось в пепел в бушующем пламени, а затем исчезло без следа.

Он был в таком беспорядке, что по ошибке разорвал рыбу на куски и громко хлопнул.

Внезапное и неподготовленное состояние духа вырвалось из ворот и заставило его немедленно брызнуть кровью и упасть в обморок.

Через три дня он проснулся и обнаружил, что лежит на каменной кровати в окружении детей Дзен холла. Они систематически читали Сутру Падших.

“А где же настоятель?”. Он сел, его опущенные веки закрыли налитые кровью глаза.

“Мастер ушел по делам, и он вернется через несколько дней”. Мастер зала Дзен ответил расплывчато и идиоматично.

Цзы Сюань кивнул, спокойно надел монашескую одежду и матерчатую обувь и вышел из пещеры.

“Шишу, куда ты идешь? Не забывай, что тебе все еще запрещено уходить!”. Мастер зала Дзен бросился догонять его.

Цзы Сюань не ответил. Казалось, он шел очень медленно, но на самом деле, в мгновение ока, он сократил дистанцию и оставил группу учеников далеко позади.

Только в этот момент он вдруг понял, что не может смотреть, как Юй Цанхай получает травму.

Когда лицо другой стороны сгорело дотла в его сознании, его душа, казалось, задрожала от сильной боли, а непреодолимый страх был бесконечен.

Чей-то голос убеждал его как можно скорее поспешить к Юй Цанхаю, чтобы обеспечить его безопасность.

<http://bllate.org/book/14189/1250614>